Кому нечего сказать своего, тому лучше молчать.

В. Г. Белинский

Кубанский писатель

№ 2 (69)

февраль 2013 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС

«Кубань олимпийская!»

Принимаются литературные произведения, посвящённые олимпийскому движению, спортивной тематике. Конкурс продлится до 10 января 2014 года. Победители конкурса будут отмечены дипломами и памятными подарками.

Просим присылать рукописи в газету «Кубанский писатель»: 350061, Краснодар, ул.Парусная, 20/3, с пометкой «Конкурс».

«Я столько ещё не сделал…»

Памяти Василия Николаевича Орла (1928–1987 гг.)

15 февраля в Литературном музее Кубани состоялось открытие выставки и торжественное мероприятие «Я столько ещё не сделал…», посвящённое 85-летию со дня рождения кубанского литератора, журналиста, краеведа В. Н. Орла.

В. Н. Орёл – автор более 600 статей, рассказов, очерков в периодической печати России, Украины, Польши, Чехословакии, США. Его перу принадлежат книги: «Коста Хетагуров и Украина» (единственная прижизненная книга), «Атаман Кухаренко и его друзья» (1994), «В поисках истины» (2006), «За взлетной полосой» (2009), изданные благодаря стараниям его супруги Ларисы ГавриловныОрёл.

В. Н. Орёл являлся создателем первого в России музея им. Т. Г. Шевченко, одним из инициаторов открытия Литературного музея Кубани в доме атамана Я. Г. Кухаренко.

На выставке в Литературном музее Кубани представлены экспонаты из архива В. Н. Орла, любезно предоставленные его супругой Ларисой Гавриловной, и из фондов музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Это семейные фотографии, рукописи статей, переписка, книги из библиотеки.

В. Н. Орла, среди которых есть поистине уникальные дореволюционные издания кубанских авторов, а также прижизненные и посмертные публикации В. Н. Орла в различных периодических изданиях СССР и зарубежных стран, статьи его супруги, Л. Г. Орёл, посвященные научно-исследовательской деятельности Василия Николаевича и т. д.

Выставка «Я столько ещё не сделал…» знакомит всех тех, кому дорога история и литература Кубани, с жизнью и творчеством В. Н. Орла, неутомимого исследователя, человека высокого гражданского долга.

На торжественном мероприятии памяти В. Н. Орла прошла презентация его новой книги «От Армавира до Крымска», вышедшей в 2013 году к 85-летнему юбилею краеведа.

Старший научный сотрудник музея Н. В. Ламосова, рассказав об экспонатах выставки, о жизни и научной деятельности В. Н. Орла, представила гостей: научного редактора книг В. Н. Орла В. К. Чумаченко, кандидата филологических наук, профессора; А. Н. Еремеева, доктора исторических наук, профессора, Н. Н. Петрова, кандидата филологических наук, профессора, С. Г. Немченко, краеведа, председателя Отрадненского районного общества историков-архивистов, Р. В. Засухина, кандидата исторических наук, заведующего отделом новой и новейшей истории Армавирского краеведческого музея, Б. Н. Берендюкова, краеведа из г. Армавира, Л. М. Есипенко, старшего научного сотрудника отдела фондов музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына и др.

Отчётно-перевыборное собрание Союза писателей России

В Краснодарском региональном отделении Союза писателей России прошло общее отчётно-перевыборное собрание. В краевой детской библиотеке имени братьев Игнатовых поэтов и прозаиков приветствовали начальник отдела профессионального искусства министерства культуры Краснодарского края А. К. Мяги, пожелавший активной и плодотворной работы собравшимся, и Секретарь Правления Союза писателей России В. В. Дворцов, отметивший консолидацию краевого писательского Союза, из которого за отчётное время в Москву не поступило ни одной жалобы.

Согласно повестке дня был заслушан доклад председателя правления КРО СПР С. Н. Макаровой и председателя ревизионной комиссии А. Н. Пономарёва. В прениях выступили Г. М. Соловьёв, В. В. Полев, В. Г. Серебряков, В. Д. Нестеренко, А. Д. Мартыновский, П. А. Агафонов, И. В. Карасёв и др. Одной из главных проблем названа удалённость расположения краевой писательской организации от центра города, что препятствует полноценной работе писательского Союза, создаёт проблему для приезжающих из края литераторов. Писатели говорили и о необходимости выплат командировочных расходов для поездок по краю, встреч с читателями. О помощи газете «Кубанский писатель», издательской деятельности.

Работа председателя, членов правления и ревизионной комиссии оценена положительно.

Выборы нового состава прошли при открытом голосовании. Единогласную поддержку получили председатель краевой писательской организации С. Н. Макарова, а также члены правления В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, В. А. Динека, Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, А. Д. Мартыновский. В состав правления вошли А. Г. Ильяхов и В. Г. Серебряков.

Общим собранием писателей приняты поправки к Уставу организации, касающиеся членства в отделении СПР и приёма в члены Союза писателей России.

Дипломанты семинара начинающих литераторов Кубани 2011 года прозаики С. П. Деревянко (ст.Стародеревянковская Каневского района) и В. В. Романов (г. Тихорецк) после обсуждения их кандидатур и тайного голосования стали кандидатами в члены Союза писателей России.

Бабье лето её торопить не спеши…

Декабрьский концерт вокалистов Краснодарского Дома ученых и инженеров прошёл на грустной ноте: он был посвящён заслуженному работнику культуры Кубани Е. В. Виноградовой, возглавлявшей обитель научной, талантливой интеллигенции города в течение 20 лет. Многим, кто приходил в «свой» Дом, а это были и ветераны, и дети, и руководители различных кружков, Евгения Владимировна всегда дарила любовь и улыбку, ей удалось создать в этом доме тёплую, почти семейную обстановку. К ней обращались все за помощью, бесценными советами. Она воплотила в себе настоящую сильную, русскую женщину, замечательную дочь, умную мать, добрую бабушку и полезную общественницу. К сожалению, тяжелый недуг забрал ее в самые прекрасные годы, когда все сделано и остается жить. Но память о ней жива, и она прозвучала на концерте в поэтическом посвящении Владимира Ненашева, в окутывающих женской грустью нотах знаменитого экимяновского «Снегопада» в исполнении Светланы Медведевой, в лиричной, задушевной песне Григория Пономаренко «То ли буря, то ли вьюга» в исполнении Веры Кострюковой, в трогательных романсах из репертуара Изабеллы Юрьевой в исполнении Риммы Коробко…

Но уже в январском концерте «Популярная песня XX века» прозвучали любимые песни не только Е. В. Виноградовой, но и всех «домочадцев». Зрители встречали на ура! знакомые до дрожи знаменитые песни-шлягеры: «Звёзды на небе» Б. Борисова в исполнении В. Кострюковой, «Тишина» А. Фатьянова в исполнении В. Попова, «Тайна» В. Сидорова в исполнении Т. Айвазовой. Арию Василины из оперетты Ю. Милютина спела Р. Коробко.

Особенно слушателей порадовали долгожданные дуэты с песнями, сделавшими знаменитыми кинофильмы. Песню А. Зацепина о героизме русских полярников «Есть только миг» исполнили С. Медведева и А. Звягинцев, «Диалог у новогодней елки» Э. Колмановского – Лидия Железовская и Владимир Ненашев.

Успехом увенчалось литературно-поэтическое выступление С. А. Медведевой.

— Главное событие XX века – рождение и уход СССР. Это часть русской истории, и от этого отказываться никак нельзя. Нужно, может быть, пересмотреть ошибки, плюсы, минусы. Мне, как человеку пишущему, это очень больно сознавать, и поэтому цикл называется «Незаживающая рана», – отметила поэтесса.

Благодарные аплодисменты зрителей получила художественный руководитель студии, лауреат международных конкурсов Е. О. Снагощенко.

Марина Голубева,
член Союза
журналистов России

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

15 февраля 2013 года после тяжелой продолжительной болезни на семьдесят девятом году жизни скончался выдающийся русский писатель, заслуженный работник культуры Кубани Иван Николаевич Бойко.

Наша литература потеряла талантливого и самобытного художника слова. Яркая одаренность Ивана Николаевича как прозаика, публициста и фольклориста, эпическая мудрость и проникновенный лиризм его творчества в сочетании с гражданственностью и истинным патриотизмом снискали ему любовь и признание читателей Кубани и России.

Начинавший издаваться ещё в студенческие годы, активно и плодотворно писавший всю свою жизнь, И. Н. Бойко был чутким и вдумчивым наставником начинающих литераторов, добрым другом всех краснодарских писателей. Огромный вклад он внёс в развитие культуры своей родной станицы Отрадной. Много сил Иваном Николаевичем отдано делу увековечивания памяти 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса.

Жизнь и творчество Николая Ивановича Бойко неотделимы от родной земли, что щедро напитала его самобытный характер казацкой удалью и русской напевностью. Иван Николаевич был активным собирателем народного творчества, именно он заново открыл несправедливо забытый частушечно-припевочный жанр, и потому бесценны его песенные сборники.

И. Н. Бойко – принципиальный интернационалист, много сделавший для развития добрых взаимоотношений между казачьей Кубанью и народами Северного Кавказа. Во многом благодаря его трудам издана серия книг «Фольклор народов Северного Кавказа». Его инициативой был создан фольклорно-творческий ансамбль «Отрада».

Вечная память Ивану Николаевичу Бойко, выдающемся писателю и прекрасному человеку.

Его светлый образ навсегда останется в наших сердцах.

От имени всех кубанских писателей
Правление Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

СОЧИ-2014

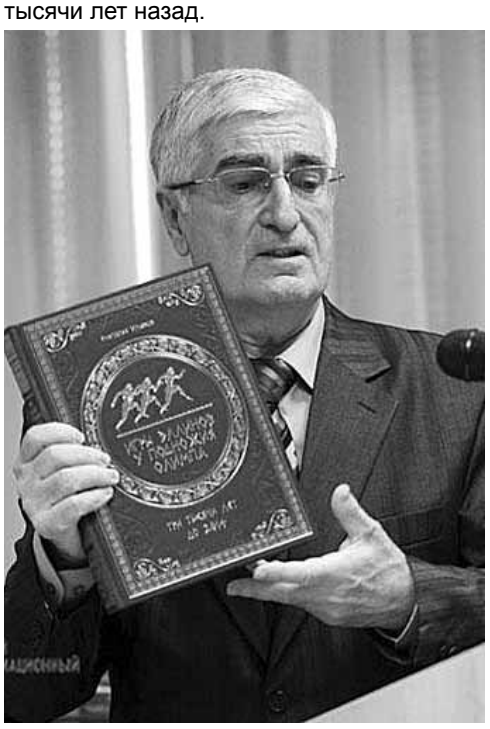
В Краснодаре издали книгу об истории Олимпийских игр

Краснодарский писатель, автор целого ряда книг об истории и культуре античности Анатолий Ильяхов нашёл исторические свидетельства связи участников первых древнегреческих Олимпиад с Черноморским побережьем Кавказа. Результатом многолетних научных исследований стала новая книга «Игры эллинов у подножья Олимпа». Спонсором благотворительного проекта выступил «Газпромбанк».

Презентация книги прошла в Сочи, на Всероссийском семинаре спортивных журналистов, который открылся приветственным словом пресс-секретаря губернатора Краснодарского края, заместителя руководителя краевого департамента печати и средств массовых коммуникаций Анны Миньковой. Она же представила члена Союза писателей России, уроженца города Сочи Анатолия Ильяхова, недавно выпустившего книгу «Игры эллинов у подножья Олимпа. Три тысячи лет до 2014».

Автором издания была проделана грандиозная исследовательская работа по изучению истоков олимпийского движения. Анатолий Ильяхов рассказывает о том, как в глубокой древности район Сочи посещали и обживали греческие мореходы, торговцы и переселенцы из Эллады. Названы инициаторы появления Игр в том виде, в каком они нам уже знакомы, когда на всей греческой земле прекращались войны – время экехерии – во имя состязательного процесса в Олимпии. История зарождения бега, пятиборья, кулачных боев, олимпийские игры женщин и подростков – всё это и многое другое можно найти в книге. Она издана в двух форматах: в подарочном, тиражом 999 экземпляров, и в учебном. Более 5000 экземпляров в начале 2013 года будут абсолютно бесплатно переданы в дар школам края, вузам и библиотекам муниципальных образований.

Предваряют издание слова главы администрации (губернатора) Краснодарского края Александра Ткачева: «Это уникальная книга. Она не просто посвящена истории развития олимпийского движения от Древней Греции до наших дней, она возвращает нас к основным принципам олимпизма, которые были заложены древними греками тысячи лет назад.



Олимпиада – это не только Игры, это единение спорта, культуры и образования. Олимпийское движение – это целая философия, согласно которой достоинства тела, воли и разума объединены в одно сбалансированное целое. Это образ жизни, который основан на радости от движения, на воспитании собственным примером и всеобщем уважении.

Кубань взяла курс на олимпизм задолго до того, как стала олимпийским регионом. В Краснодарском крае семимильными шагами развивается спорт, мы уделяем огромное внимание воспитанию патриотизма и толерантности среди детей и молодежи. Такая политика уже приносит свои плоды, лучшее подтверждение тому – десятки олимпийских чемпионов, воспитанных на кубанской земле.

Поэтому мы вдвойне гордимся тем, что Краснодарский край был избран местом проведения XXII зимних Олимпийских и XXI Паралимпийских зимних игр. Это первая зимняя Олимпиада в России, и первые Игры на Кубани.

Для нас это огромная честь, и вместе с тем большая ответственность. Сегодня вся Кубань буквально дышит Олимпиадой. Десятки тысяч лучших специалистов, миллионы тонн грузов и строительных материалов, миллиарды рублей инвестиций работают на то, чтобы в 2014 году прошли лучшие зимние Игры в истории.

«Кубань-Олимпийская» – это бренд, который уже приносит дивиденды всему краю. Сегодня уже никого не надо убеждать в том, что абсолютно каждый житель только выигрывает от этого мегапроекта. Игры дают нам уникальный шанс сделать рывок вперед на 25 лет. Мы получим новую инфраструктуру, современные дороги и гостиницы. Мы получим модный город и уникальный мировой курорт, где от лета до зимы – один шаг.

Но что самое главное – сегодня мы создаём условия для того, чтобы все больше жителей нашего края занимались спортом и вели здоровый образ жизни в олимпийском духе, где спорт – это не только соревнование в силе, быстроте и выносливости, но и противоборство характеров, воля к победе, уважение к сопернику. Для нас важно, чтобы кубанцы разных возрастов, веры и убеждений объединялись под флагом олимпийских ценностей и патриотизма и двигали наш край вперед.

Я искренне верю, что только глубокое знание истории большой и малой Родины позволяет человечеству выбирать правильный путь дальнейшего развития. Поэтому важно, чтобы историю мы уважали и ценили с самого младенчества. Не случайно автор издания обращается в своих исследованиях не только к основам Древней Греции, но и к истории тех мест, где в 2014 году пройдут Олимпийские игры: Сочи, Красной Поляны... Эта книга позволит гостям Кубани поближе познакомиться с нашим регионом, а жителям края – узнать много нового о родной земле.

Благодарю автора книги Анатолия Ильяхова и партнера проекта ОАО «Газпромбанк», без которых эта замечательная и, без сомнения, полезная и познавательная книга не вышла бы в свет».

СОБИНФО

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ

«На солнечной стороне со своими знаменитыми земляками»

Известный журналист, писатель, публицист Владимир Викторович Рунов – ровесник Краснодарского края, он начал свою жизнь в журналистике в столице Кубани. Школой мастерства будущего журналиста и писателя стала Краснодарская студия телевидения, которой Владимир Рунов отдал десятилетия своего труда от редактора в 1962 г. до руководителя телерадиокомпании «Кубань» в 2002 г.

Но был период в 15 лет с 1975 по 1990 гг. на жизненном пути В. Рунова, вобравший в себя все разнообразие жизненных коллизий; они были отданы работе в Краснодарском крайисполкоме – помощником заместителя председателя, обозревателем в газете «Кубанские новости», пресс-секретарем главы г. Краснодара. В эти годы приобретался опыт работы с людьми, умение видеть и решать многие жизненные задачи.

Его творческий поиск занимали такие понятия, как русский характер, русская душа, и что это за феномен, над разгадкой которого чужестранцы тщетно бьются веками. Верно говорят, плохих народов в мире нет, и с этим нельзя не согласиться, но суть в простом соотношении, в том или ином народе, как и в каждом человеке, добра или зла.

В сложный период нашей истории с 1993 по 2002 годы В. В. Рунов – председатель государственной телерадиокомпании «Кубань». К этому времени он уже обладатель престижных наград, премий, научных званий: кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры России, заслуженный журналист Кубани и Адыгеи, заслуженный деятель науки Кубани, лауреат премии Администрации Краснодарского края в области культуры. Государственной телерадиокомпанией «Кубань» во главе с В. В. Руновым было сделано немало для того, чтобы донести до пятимиллионного населения края происходящие преобразования в стране и в регионе, раскрыть все стороны социально-экономического возрождения, не скрывая и тех трудностей, которые неизбежны при утрате привычных жизненных ориентиров. Для телевидения края стало правилом поддерживать обратную связь между населением и органами власти, которая и сегодня так необходима для консолидации нашего общества.

В. В. Рунов является автором более 40 научно-практических статей в различных изданиях и ведущим многих программ на радио и телевидении, свое умелое владение словом и вниманием слушателей он передавал молодым коллегам. Им подготовлены десятки журналистов, специалистов радио и телевидения, работающих сегодня в средствах массовой информации Кубани и России.

Владимир Викторович – член Союза российских писателей, им написаны книги, очерки, воспоминания, которые привлекают читателей всей Кубани тем, что в них имена забытых или вовсе безвестных земляков, размышления о времени, далеком и близком.

В начале 1990-х годов вышла первая книга В. В. Рунова «Чистые руки». В особых красках раскрылся его писательский дар в книгах «Стрельба на поражение», «Особняк на Соборной», «Времена между причиной и следствием», в которых авторские размышления о времени далеком и близком и почему однажды мы все потеряли единую страну.

В книге «Вход со двора» писатель представляет такую знаковую для всех кубанцев личность – первого секретаря крайкома КПСС Сергея Федоровича Медунова, имя которого окутано легендами и домыслами. Из всего написанного за последние десятилетия о С. Ф. Медунове – это самый объективный, уважительный, честный портрет его как человека и руководителя края. Владимир Рунов любит свой город и, как тонкий, внимательный наблюдатель, знакомит читателей с его жителями: с журналистом Верткиным; заслуженным строителем Лантодубом, известным в свои годы всему городу цирюльником Соломоном Марковичем. Автор, как человек хорошо информированный и осведомленный, с интересом делится с читателями своим видением судеб писателя В. Погодина, члена ЦК КПСС – Д. Кунаева.

Хорошая память, прекрасный публицистический дар, помогли В. Рунову написать талантливую и искреннюю книгу: «Беседы у догорающего камина» и рассказать в ней о людях, вызывающих неподдельный интерес у читателей разных возрастов. Книга написана талантливо, в виде нескольких очерков, в ней соединено несколько миров в один, при этом не разрушен и не поглощен ни один из них. В неё вошли очерки о Николае Дмитриевиче Егорове – губернаторе Краснодарского края, о боевых действиях в 1995–1996 годах в Чеченской республике, о событиях августа 1991 года в Москве, военное противостояние демократических сил и ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению).

Вышедшая в 2012 г. книга В. Рунова «Страна отношений» явилась замечательным юбилейным подарком, эта книга о нашем солнечном крае, его знаменитых земляках. В ней писатель делится своими размышлениями о встречах с выдающимися людьми, военачальниками, политическими деятелями, соединяя мастерское владение словом и портретную узнаваемость. Жизненные обстоятельства сводили автора с теми, чьи имена имеют всеобщую известность: с Николаем Байбаковым – руководителем Краснодарского совнархоза, строителем Виктором Артюшковым, Николаем Егоровым – руководителем администрации президента Российской Федерации. Дружеские отношения связывали автора с директором рисосовхоза «Красноармейский» А. Майстренко, с лидером кубанских коммунистов И. Полозковым. Разнообразие портретов этой книги роднит их во времени: это были послевоенные годы, когда наша страна испытала подъем русского национального духа, когда ставились и решались грандиозные задачи.

Писателю нужно обладать гражданским мужеством и чутьем аналитика, чтобы иметь смелость выносить на страницы своих книг животрепещущие вопросы современности, и главное, что они нужны людям, ведь за последние два десятилетия сильно пострадали два главных чувства: любовь к Родине и к своей истории.

Свою разностороннюю творческую деятельность В. В. Рунов с успехом совмещает с работой преподавателя в Краснодарском государственном университете культуры и искусств; он доктор филологических наук, профессор и заведующий кафедрой режиссуры кино и телевидения, декан факультета телерадиовещания.

Патриотизм и мудрость писателя, служебная и научная деятельность всегда находила высокую оценку и отмечена наградами, почётными званиями и благодарностями высших органов власти Российской Федерации и Краснодарского края. В этом славном ряду: Орден «Знак Почета»; медали: Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, «За трудовое отличие», «За укрепление боевого содружества», «За отвагу на пожаре», «За выдающийся вклад в развитие Кубани» II степени, «Ветеран труда»; ведомственные награды Министерства Обороны РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы телевидения и радиовещания, писатель дважды удостоен благодарности Президента России.

Галина Рослаева

ПОЭЗИЯ

Анна Мамаенко

КОЛОБОК, ИЗ РОДА КОЛОБКОВ

Рассохшейся дверью, вином в погребах –
я вернусь.
Как волны и звезды. Как ветер, по-южному
буйный.
Как вопль петушиный, ударивший в спину,
и грусть,
когда загремят жестяные листья июля…

Написанный начерно. Сотканный из
лоскутков.
Когда-то поверивший в то, что живой,
чародею.
Сметен по окрестным амбарам.
Продолживший род Колобков.
Пытающий взглядом «Ну, кто меня съест
поскорее?..»

Да только не взяли ни волк, ни медведь,
ни лиса.
Ни прочая банда млекопитающих тварей.
Катись, Колобок… Сколько влезет, меняй
адреса.
Ты накрепко влип в проходные дворы
Краснодара.

Ты стал элементом фольклора реки
Кара-Су,
смирённой и брошенной в трубы, другим
для примера.
Бегут Колобки. Колобокие мысли несут.
И от наряда полиции тошнит не одних
модельеров.

Прокуренный Город, блюющий от
бульдозеров.
От черных риэлтеров, белых и красных
бандитов.
Где на трамвайных колесах всегда
выпадает зеро,
и даже медкарта твоя неминуемо бита.

Уходишь от дедки, от бабки, налогов и
проч. -
сферический воин из древнего рода
героев -
в наследную, круглую, колобродящую
ночь.
И только амбары горят за твоею спиною.

AVE, CAESAR

Аве, милый Цезарь. Аве…
Снова я перед тобою
На песке, от крови ржавом.
На арене раскалённой.
Morituri te salutant.
Здесь – ликующие лица.
Здесь – лужёные гортани.
Только ты один спокоен,
И сочувствующим взглядом
Поднимаешься над бездной.
В каждой чаше – запах яда.
Отражается предатель
Здесь в любой улыбке стали,
В полированном железе.
Ты хотел бы жить, как люди,
И стада пасти на склонах?
Не мечтай – и не случится…
То же солнце, те же звёзды
Над тобой и надо мною,
Над теченьем Ахеронта.
Даже птицы не свободны
От воздушного теченья.
Даже ты зависим больше,
Чем стоящий пред тобою.
Что осталось? Улыбаться
На глазах ревущих тысяч.
Или потихоньку плакать
В мятый край пурпурной тоги
Со своей тоской в обнимку.
Аве, милый Цезарь. Аве…
Все – рабы, куда ни сунься.
Господа куда-то делись.
Ими быть никто не хочет.
Вот один – стоит над бездной
На коленях, как невольник,
И блюёт своей свободой,
Вывернувшись наизнанку.
Потому что у свободы
Очень явный привкус яда.
Потому что мир за стенкой
Ярче мира без иллюзий.
Нужно быть кому-то нужным.
Чуять руку на затылке.
Аве, милый Цезарь… Аве.
Я покорно жду удара.
Жду свободы. Жду рассвета.
Жду опущенного пальца.
Пусть приходят поскорее
Со словами: Ave, Caesar…

ЛИСАРХ

По домам заброшенным, славный и босой,
Ходит, словно время, человек с лисой.
По пустынным землям и по городам.
По раскатам грома. По чужим следам.

С рыжею лисою ходит по земле.
Он всегда – и трезвый, и навеселе.
Тянется на запад, бродит на восток
Он одновременно. Я бы так не смог.

У него в кармане прячется лиса.
И в запасе – вечность (ровно полчаса).
Ливень бьет наотмашь. Грозная вода
Смоет человека раз и навсегда.

А лиса таращит хитрые глаза.
Острыми зубами щелкает лиса.
Нужный, словно громкий прошлогодний смех,
Молнию в кармане носит человек.

И горят деревни за его спиной.
Горько плачут дети, падая золой.
На погосте древнем, у разбитых плит
Человек с лисою безмятежно спит.

Просыпаясь, гладит рыжего зверька.
Потому что добрый он, наверняка.
Потому что знает – всякому свой час.
Потому что любит каждого из нас.

СТАНЦИЯ «ДНО»

Сегодня снова на обед у нас
Исклёванная печень Прометея.
Давно истёк срок годности и час.
Но я молчу. И говорить не смею.

Где невесомы спешные шаги,
И за окном редеют космонавты,
Где милосердно врущие враги
Откладывают казнь мою назавтра –

Я прохожу, как полый товарняк,
Колёсами стучащий буги-вуги,
Где Прометей от ужаса обмяк
И птах зловредный полинял в испуге.

На тёмных станциях не видно ни шиша.
Обходчики божественно-нетрезвы.
На ощупь отлетает в рай душа.
Остановите ангела, я слезу…

Где «cricket» Прометей несёт в горсти –
Вокруг товарняки мошк**о**ю вьются –
Эвклида параллельные пути
Согласно Лобачевскому сойдутся.

Но кто-то мне грозит из темноты
Корявым пальцем. Веткой. Бумерангом.
Пути исповедимы и чисты
Там, где Луна встаёт со дна оврага.

Любовь ГАЛИЦКАЯ

г. Темрюк,
Краснодарский край

* * *

Хочу в метель! В сугробы! В стужу!
Хочу румянец в полщеки!
И валенки, платок потуже,
И с горки мчать, играть в снежки!
И целоваться жарко-жарко!
И чувствовать, как на губах
Снежинки тают…
Ах, как жалко,
Что нет зимы, и ты лишь в снах.
Хочу в метель!

* * *

В Сочельник дождь сменялся снегом.
И снова таяло. И то,
Что было меж землёй и небом,
Кружилось, путалось, текло
По лицам вымокших прохожих,
По стёклам окон и витрин.
Шёл медленно и осторожно
Поток забрызганных машин.
Москва спешила в этот вечер,
Кто в храм, а кто уже домой.
Горели тоненькие свечи
И дым струился золотой…

* * *

Отчего, почему, не пойму,
Ощущенье пришло внезапно,
Что Отечество здесь, в терему,
За оконцем резным, в пузатом
Самоваре, в святых образах,
Что от времени потемнели,
В их пронзительно-мудрых глазах.
Здесь, в январской странной капели,
Здесь, в Абрамцеве, средь дворцов
Этот русский старинный терем –
Корень наш и наследство отцов,
Что ещё промотать не успели.

* * *

Сентябрь в рассветах был уже седым.
Сад пряжей Богородицы укрылся.
И плоти лета, догоревшей, дым
Промотанным наследством растворился.

Ещё вчера... Ещё вчера любовь
Казалась вечной и в глазах светилась –
Сегодня осень и другая новь.
Я каюсь истово. Могла, но отступилась.

* * *

Есть в каждом сердце скрытая струна.
Её коснёшься – тут же отзовётся.
По телу пробежит горячая волна,
И обожжет, и ослепит, как солнце.
Сначала удивленье и восторг.
Сначала робость, ожиданье счастья.
Душа поёт и рвётся на простор,
Но там изветрится и разомкнёт объятья.
И замолчит звенящая струна.
И мимолётное рассеется туманом.
И снова в сердце тихо. Тишина.
Но было ли ушедшее обманом?

* * *

Проснусь однажды на рассвете,
Когда рождается заря.
В саду хозяйничает ветер,
Листвой опавшею соря.
Пройду босая по дорожке,
Росы в ладони наберу.
Смахну остатки сна, как крошки.
Траву нечаянно сомну.
Увижу всё вдруг в новом свете –
Восход, мерцание ручья.
Как будто на другой планете
Открою заново себя.

* * *

Немолода?
Поэту возраст не помеха!
Провинциалка?
Что за вздор!
В моей глубинке звонче эхо,
Не замутнён случайным взор.
Здесь вечерами тихо-тихо,
Лишь потревожит лай собак.
Моя же такса, (вот трусиха!)
Прижмётся, тявкнет, пряча страх.
Здесь чтение – душе отрада,
Не на бегу, не впопыхах.
И ночью строчки (ах, награда!)
Вдруг постучатся робко в снах.
А утром оживают звуки:
Лягушки спорят, петухи.
И просится тетрадь мне в руки,
Слова воздушны и легки.
Всё здесь наивно, просто, вечно:
Сирень, калитка, мотылёк…
Тепла провинция, сердечна –
Путь русский сквозь неё пролёг.

* * *

Вы прочтёте меня
и ахнете:
Как посмела я к вам явиться?!
И стихи мои –
ах, не те!
Самозваная я царица!

Вся душа наизнанку, с нитками,
Узелки и заплатки
видно.
Строчки памятью сердца вытканы.
Не поймёте, –
мне будет обидно.

* * *

А в лесу осеннем светло!
А в лесу так пахнет грибами!
Можно капли дождя губами
Выпить словно хмельное вино.
Опуститься на мягкий ковер,
Прикоснуться к колючим иголкам,
Слушать многоголосый хор
Ввысь летящих деревьев, долго.
А потом заглянуть в себя,
Осознать, что и ты травинка,
Что до боли родна земля,
А на ней и твоя тропинка.

* * *

Не случайны слова, не случайны.
Я за каждое буду платить.
В каждом слове заложена тайна,
И от каждого тянется нить…

* * *

Неутоленное, непрожитое, жадно
Глядит и просит милостыню.

Прочь!

Пусть жаром завораживает ночь,
А пробужденье серо, безотрадно,
И дни однообразные, точь в точь…
Неутолённое, ты просишь запоздало.
Но, что ни дать, тебе всё будет мало.
А то, что жгло и жжет, я утаю.
Неутоленное, уйди, не подаю!

* * *

Гляжу на узкое запястье,
Там жилка голубая бьётся.
И сердце — в такт!
Наверно, счастьем
Моё безумие зовётся.

* * *

Так близко – руку протянуть!
Так далеко – не докричаться!
Казался бесконечным путь,
Но вот обрыв – не удержаться.
Так странно чувство пустоты.
Так немощны все оправданья.
И очевидны, и просты
И цели были, и желанья.
Возможно, встретив, вспыхну – он!
Возможно, даже не узнаю.
Короткий праздник завершен.
Деревья отцветают в мае…

ЮБИЛЕЙ

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

К 60-летнему юбилею краснодарского писателя Владимира Кузьменко

Это случилось ещё до войны.

Маленький мальчик Мирошка из села Стожары занимался любимым делом: рисовал в альбоме акварелью. На своей картинке он изобразил родное село, деревья, избы… А неподалеку двигались танки – сила и мощь Красной армии.

Но старший брат Леха посмеялся над малышом: уж очень мирошкины танки были похожи на немецкие. Поняв свою ошибку, Мирошка нарисовал другую картину. На этот раз рядом с селом были не танки, а Кремль, Спасская башня… И всё – в разноцветных праздничных огнях! Взглянув на календарь, мальчик поставил дату в уголке: 9 мая 1941 года. Да, именно 41-го, а не 45-го.

Ни Лёха, ни маленький художник Мирошка еще не знали, и не могли знать, что всё, изображенное на картинках, произойдет в действительности. Всё сбудется. Ворвутся в Стожары немецкие танки, принесут людям страдания и смерть, начнется великая народная война за жизнь и свободу. А потом придет Победа, взовьётся над Спасской башней россыпь разноцветных огней, и отблеск праздничного салюта увидят даже в далеких Стожарах…

* * *

Необыкновенную, но правдивую историю о невольном предсказании маленького пророка Мирошки поведал нам краснодарский прозаик Владимир Борисович Кузьменко в рассказе «ГТО и акварели». Владимир Борисович – один из самых загадочных писателей краснодарского отделения СП. В его произведениях всегда есть какая-то тайна. А в жизни он немногословен, сдержан, не любит лишний раз напоминать о себе.

В сборнике произведений кубанских писателей «Звезды над Кубанью», изданном в 2012 году, Владимир Кузьменко представил свою биографию на удивление кратко, всего в нескольких строчках. Но, если вчитаться в скупые слова, понимаешь, какая большая, интересная, достойная уважения жизнь стоит за ними. Ленинград, армия, Киевский университет, служба в уголовном розыске, участие в геологических экспедициях, ответственная работа на краснодарском заводе «Сатурн»… Для писателя такая биография – кладезь сюжетов, тем и впечатлений. Бери любой случай из собственной жизни и пиши правдивые истории, используя профессиональные слова и навыки.

Но истинный писательский талант непредсказуем. В его загадочных лабиринтах иногда хранится необъяснимая склонность к одному-единственному жанру, своему, родному. Таким жанром для Бориса Кузьменко стала фантастика – его любовь, сладкое бремя и величайшее счастье.

При слове «фантастика» мы часто представляем себе далекие чужие планеты и космические корабли, людей-пауков и крутых «бэтменов». У Кузьменко фантастика другая. Читаешь его произведения и невольно вспоминаешь известные слова Андерсена: «Самая невероятная сказка та, которую придумывает жизнь». Жизненный опыт писателя, общение с людьми, отношение к друзьям и семье, бесценные наблюдения и, конечно, литературный дар – все отразилось в его творчестве. Все пригодилось, ничего не пропало даром.

* * *

В Краснодаре когда-то выходила газета «Литературная Кубань». Может быть, наши земляки её еще помнят, как помнят и редактора – выдающегося поэта Виталия Борисовича Бакалдина. Газета была большого, ещё «доперестроечного» формата «А- 1». Сейчас такой формат – большая редкость. Газеты стали делать похожими на журналы, чтобы было удобнее читать, лежа на диване. В 2003 году в бакалдинской «Литературке» была опубликована повесть Владимира Кузьменко под смешным названием «Неваляшка». Она заняла полный разворот. А редактор, нужно заметить, очень дорожил печатной площадью своей газеты и квадратными сантиметрами не разбрасывался. Только я разложила газету на столе и принялась читать убористый текст, позвонил Виталий Борисович.

– Людмила, если есть время, зайди в редакцию!

– А завтра можно?

– Небось, «Неваляшку» читаешь?

И как только он догадался? На другой день мы встретились в редакции, и Виталий Борисович заворчал:

– Из-за Кузьменко чуть не сорвали сроки выпуска газеты. Представляешь, захожу вчера в компьютерный зал, а там никто не работает – все читают «Неваляшку»!

– Повесть и вправду захватывающая.

Бакалдин кивнул, задумался, а потом сказал:

– Мало сказать, «захватывающая». Она написана хорошо, и герои живые.

Действительно, несмотря на довольно сложную авторскую идею, повесть читалась удивительно легко. Главный герой, Черпунов, ироничный и обаятельный, вызывал большую симпатию и заставлял с волнением следить за своей судьбой. Хотя, что за него волноваться? По замыслу автора, жизнь Черпунова постоянно находилась под защитой некой чудесной внеземной силы, и как тот ни пытался от нее избавиться – ничего не получалось. Вы спросите, чем она ему мешала? Живи да радуйся, что жив! А вот и нет. Не любит человек, когда за ним кто-то следит и опекает. Свободы хочется.

Непостижимая сила, постоянно оберегающая Черпунова, в конце концов, стала ему надоедать. И начал он её дразнить. Нарочно подставлял себя опасности, рисковал жизнью, словно играл со своим неведомым опекуном «в неваляшку». Но игры продолжались до поры до времени.

Наступает для Черпунова звездный час. Во время пожара он пытается спасти женщину, рвется к ней сквозь огонь, но не тут-то было. Незримый покровитель силой удерживает его, сковывает движения, шагу не дает ступить. Призвав на помощь всю волю и смекалку, Черпунов бесстрашно вступает с ним в единоборство. Ему удается обмануть неведомую силу и вынести женщину из огня, а обиженная сила отворачивается от него и уходит. Сбросив с себя ярмо «бережения», Черпунов, возможно, поступил неразумно с точки зрения здравого смысла. Но с точки зрения великодушия и человечности его поступок вызывал уважение.

Повесть была тепло принята читателями. Хотя «Литературную Кубань» в киосках не продавали, и распространялась она только по подписке, каким-то образом о «Неваляшке» узнали многие краснодарские любители литературы. Друзья Виталия Борисовича, приходя в редакцию, интересовались, кто такой Кузьменко, и просили газету с его произведением для родни и знакомых.

* * *

Часто бывает так, что после первой удачи, автор в последующих произведениях не достигает прежнего художественного уровня. С Кузьменко этого, к счастью, не произошло. Он продолжал много и плодотворно работать в сложнейшем жанре фантастического рассказа, и его творчество получило признание не только читателей, но многих кубанских литераторов.

Все произведения Владимира Кузьменко, опубликованные в «Литературной Кубани», прочел и одобрил выдающийся писатель Виктор Николаевич Логинов. Восхищался ими и Анатолий Васильевич Голубцов, который иногда сам писал рассказы в таком жанре («Третий метод», «Воробьиная ночь»). А прозаик Геннадий Пошагаев, прочитав «Неваляшку», сказал: «Кузьменко нужно срочно принимать в Союз писателей! Немедленно!» И первым написал ему рекомендацию.

В 2006 году была издана книга Владимира Борисовича «Замысловатые повести и рассказы» – сборник прозы, в который вошли его лучшие произведения, такие как «В сумерках», «Замороченный пришелец», «Иждевенец и сластена», «Неваляшка», «Где бы ты ни был», «Всплеск». А через год на собрании краснодарской писательской организации тайным голосованием Владимир Кузьменко был единогласно принят в члены СП России. Решение собрания было утверждено в Москве, и вскоре он получил писательский билет.

Не только элементы фантастики придают рассказам Кузьменко особенный блеск, но и чувство юмора – довольно редкое писательское свойство. Юмор проникает во все поры литературной ткани его произведений, помогая его героям выстоять в трудные минуты, даже тогда, когда жизнь кажется невозможной. Есть у Кузьменко и суровые реалистические произведения. Повесть «Иждивенец и сластена» – трагическая история о «маленьком человеке», ленинградце-блокаднике. После пожара Бадаевских продовольственных складов обессилившие люди-тени приходили на пепелище и скребли землю. Она была сладкой от расплавленного сахара. Сладким был только верхний слой, и он быстро исчез. Но люди всё-таки каждый день приходили и скребли…

Автору, слава Богу, не довелось испытать ужасы блокады: его тогда еще не было на свете. Но он родился в Ленинграде, дышал воздухом этого героического, несгибаемого города. Его мама, Людмила Федоровна, в 10-летнем возрасте перенесла ленинградскую блокаду. Многие родные и близкие Владимира Борисовича – ленинградцы-блокадники. Все, описанное в повести, пропущено через сердце писателя, поэтому трогает и наше сердце.

* * *

Иногда в литературных кругах приходится слышать, что сюжет – дело третьестепенное и что он вообще не нужен. Возможно, кому-то и не нужен. Но виды и жанры литературы настолько разнолики, что мерить их единой меркой нельзя. Кузьменко проектирует сюжет, словно архитектор – здание. Ни одну деталь конструкции убрать нельзя: всё связано и сцеплено в единую композицию.

Журналист Егор из рассказа «Замороченный пришелец» пытается выяснить, действительно ли его родную деревню Ступаково посетили инопланетяне? На фотографии, присланной в редакцию газеты, отчетливо видно НЛО, висящее над просекой, а на просеке – взволнованные, возбужденные люди. На обороте – лаконичная надпись: «И такая хренотень – каждый день». Егор ломает голову над космической загадкой, и только под конец выясняется, что НЛО на фото – обыкновенная тучка в форме веретена. Деревенский фотограф снимал вовсе не инопланетян, а просеку и возмущенных мужиков, которым «новые русские» «запретили ходить в лес по рыжики». Фотограф прислал снимок в газету, чтобы та откликнулась на несправедливость и заставила нуворишей вернуть лес народу. Разобравшись во всем, Егор решительно становится на сторону обиженных земляков. И хотя сражаться с богачами куда опаснее, чем строчить статью о визите пришельцев, Егор не собирается отступать. Так курьезный эпизод перерастает в социальный конфликт. Но Кузьменко никогда не раскрывает полностью все карты. Тайна «нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждешь». Явилась она и Егору. Камень, который лежит на могиле отца, оказался метеоритом, а в его трещине обнаружилась внеземная жизнь.

Загадки, странные находки, нечаянные встречи, невероятные совпадения… Всё это только внешний антураж в творчестве Владимира Кузьменко, истинного рыцаря своего жанра. Его рассказы и повести проникнуты глубоким нравственным смыслом и адресованы думающим людям философского склада ума. Он не только рыцарь, но и настоящий мастер. Литературный язык его произведений насыщен яркими, порой неожиданными красками, и при этом ясен, понятен и максимально естественен.

Герои Кузьменко – не супермены, проламывающие стены ударом кулака, не гиганты мысли, не чемпионы бодибилдинга, а самые что ни на есть заурядные люди. Среди них есть и мальчишки, и старики, и даже инвалиды. Таких людей часто называют «простыми». Но всем своим творчеством Владимир Кузьменко доказывает читателям, что, благодаря именно «простым людям», совершается самое большое чудо на земле: восстанавливается справедливость. Они живут бок о бок с нами, а мы их порой и не замечаем. Вот такие чудеса…

Людмила Бирюк,
член Союза писателей России

«КНИЖНЫЙ МИР»

Бирчанские тартарары

рассказ

Около полудня на Ежовом пустыре, истыканном стрелками дикого лука, открылся старый колодец, по всему очень старый: даже столетний дед Евсей помнил только, что его в малолетстве был там вроде косой зазеленевший колодезный сруб, а воду оттуда не брали.

Ну открылся колодец и открылся. Эка невидаль – земля просела. Вообще-то Бирки – деревня древняя. И наполеоновские французы палили её до печных труб, и фашисты давили танками. Всё ничего, оклемались, нарожали, отстроились. В последние только годы опять туго стало, и песен по вечерам не слыхать.

Утром того же дня произошла в Бирках неожиданная суматоха и нехорошее волнение. По близлежащей столичной автостраде должен был проезжать по своим непонятным делам шибко высокий чин из самых что ни на есть главных. Из района с нарочным (за отсутствием телефонной связи) дали указку приветствовать его в пути следования со всевозможной торжественностью.

Местное начальство, то есть глава Семенец с заместителем, секретаршей и участковым милиционером, начистившим форменные пуговицы, принялись обходить дворы, выбирая самых тихих и незлобливых жителей для участия в срочном мероприятии. Тем, кто отнекивался, сулили кому железа на кровлю, кому дров два-три куба, кому штраф за какую-либо надуманную несерьезную провинность.

Народу все равно набралось мало: четыре мужика да три бабы. Одной из них секретарша одолжила для приглядности свою кофту.

Выручила директорша начальной школы, отловив по садам-огородам и в пруду среди головастиков пару-тройку двоечников и с полдюжины хорошистов.

Присоединился к ним из любопытства и дед Евсей с провожатым из соседских добровольцев. Самому ему было не дойти: ослаб, через день с печи спускался.

В урочный час у обочины, малость не дойдя до свежевыбеленных столбиков дорожного ограждения, сгрудилась жменька деревенских представителей под водительством Семенца, нахлобучившего новую, не по погоде плотную шляпу. Заместитель его держал флаг с безжизненно обвисшим полотнищем, двоим хорошистам вручили наспех сделанный транспарант: с кумача кое-как соскребли лозунг лучших времен и нанесли под трафаретку со слов Семенца «Спасибо, господин …» и так далее. Читалось, прямо скажем, как нескладушка, но глава только рукой махнул. Они, мол, на скорости из-за тонированных-бронированных стёкол и нас-то, поди, не заметят, не то, что мое словотворчество.

Поперечных перекладин к транспаранту приладить не успели, и потому, когда один мальчишка приблизился к другому, материя смялась, зафалдила, и почти вся надпись с двумя из трех восклицательных знаков скрылась в складках, а начало её само по себе сложилось в «Спаси Господи!» На это не обратили внимания.

Небо было нестерпимо синим, над размякшим асфальтом слезился воздух. Деревца, поникшие вдоль трассы, почти не давали тени, солнце било им в самую макушку. Душно, муторно, ни ветерка.

– Едут, – шепнул кто-то. – Едут! Едут!

Мотоциклисты в блестящих шлемах, странный автобус, табун эскорта с мигалками и сиренами, а следом – черный вихрь иномарок.

Заместитель затряс древком, пытаясь развернуть флаг, транспарант натянули. Семенца, который беспорядочно махал шляпой, будто гонял мошкару, вытолкнули на передний план.

И тут колонна (хозяин-барин) стала замедлять движение, затем поползла и, наконец, замерла на месте, бликуя хромом и чёрным лаком. Наступила совершенная тишина. За тёмными стёклами не было видно ни души, в всё-таки остро ощущалось чьё-то настороженное присутствие.

Всем вдруг стало не по себе: больно уж нездешний, как бы даже потусторонний вид был у кортежа. Сбившись поплотнее, оцепенев от неожиданности и ожидания, бирчане походили бы на скульптурную группу, когда бы статуи приодели и научили потеть.

Баба в одолженной кофте принялась креститься, шевеля губами, и облегчённо вздохнула, увидев, как на свет божий, колко зыркая по сторонам, вывалили дюжие телохранители, которые вежливо, но с подтекстом предложили присутствующим попятиться.

За телохранителями появились телевизионщики с мудрёной оптикой, а потом откуда-то – никто не заметил, из какой именно автомашины, – выскользнул и «сам» в чёрном костюме под цвет авто, но с жёлтым крапом, с бородкой, подстриженной точь-в-точь как у какого-то президента на игрушечных долларах, которые Семенец видел в газетном киоске на станции. Литые каблуки шитых за морем ботинок прибавляли чиновнику всем известные два вершка роста. Держался он, надо сказать, просто, демократично жал руки, какие оказались протянуты, спрашивал по-свойски:

– Какая, господа сельчане, теперь ваша жизнь?

Семенец, опасаясь, как бы кто по неготовности к такому обороту не брякнул дурь, взялся отвечать за весь коллектив, но и сам вроде бы дал маху:

– Жизнь такая, что живи – не хочу. То есть оговорился. Она, жизнь, конечно, маленько похуже, чем вчера, но куда лучше, чем будет завтра. То есть, наверное, наоборот. Вот только средств как не было, так и до сих пор… Извините, не предполагая остановки, упустили хлеб с солью.

– Будут все средства, – уверенно перебил его чиновник, встал на цыпочки, хлопнул по плечу, выбив из пиджака пыльное облачко. – Дайте срок.

Дед Евсей, наклонившись к провожатому, произнёс тихонько:

– Будет вам и белка, будет и свисток, а сверх того – ни шиша. Свисток у участкового, а «белка» с перепоя сам знаешь у кого.

– Он о втором сроке своей деятельности толкует, – уточнил сосед.

– Ясно, голосами просит посодействовать.

– А на что ему наши голоса? У них в колонне на шоссе голосов, пожалуй, больше наберётся, чем во всех Бирках.

– Не скажи. Он нашего не глупее. Требуемся, коли просит. Кабы не махонькая мышка, то и репку не вытащили бы. Осталась бы, фигурально говоря, на второй срок догнивать.

Чиновник говорил бойко и убедительно, по существу то же, что и всегда, не краснея даже от жары и солнца.

Его неправда, подумал Семенец в лад с другими бирчанами и стал ломать голову, где бы раздобыть по своей цене обещанное утром кровельное железо.

Занесло откуда-то пухлую тучку, посвежело.

Тут нежданный гость взглянул на часы, извинился, попрощался; давя подошвами иноземных башмаков дикий лук, направился к автостраде… И внезапно провалился с головой сквозь землю, в открывшийся старый колодец. Ухнул, как в омут, разве что круги не пошли.

Какой неслучайной силой выщелкнуло его недавно из машины на Ежовый пустырь? Хотя он, конечно, принял свой выход к народу за самоличное решение.

Бледнолицей охране – хоть переполох им выливай – набежало тогда больше прежнего, шуганула всех взашей без всякого «пожалуйста». И наказала строго-настрого держать этот случай в секрете.

Вытащили его или же нет, никто не знал. Ни густо-чёрный с жёлтой искрой костюм, ни долларовая бородка в дальнейшем никому более на глаза не попадались.

Спустя время дед Евсей вспомнил в точности, что на Ежовом пустыре никогда колодца не было, а был он когда-то давно на поляне, аккурат там, где теперь две деревенские улочки перебегают одна другую – самое исхоженное в Бирках место, но своих земля не уронит и не провалит.

«Я всё стерплю, перестрадаю…»

Вышла в свет книга воспоминаний А. А. Кирия (1889–1954) «Моя жизнь»

А. А. Кирий родился 11 февраля 1889 г. в глухом украинском селе Крупичполь-Борзенского уезда Черниговской губернии. Отец его, бедный крестьянин-хлебороб, имел пять детей. Родители батрачили, сестры также с раннего детства пошли в наймы. Алексей начал учиться еще дома. Летом мама выходила с книгой за ворота и читала селянам «Кобзаря» Т. Г. Шевченко, произведения М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и другие книги. Чтение слушали с большим вниманием, буквально завороженно, порой даже раздавались всхлипывания женщин. Такие же чтения не раз происходили и в зимние вечера в их хате. Мать очень любила песни и имела хороший голос. Любовь к песням она передала и своему сыну, Алексею, оставив в его сердце дорогое наследство. Кроме песен, она знала много стихов. Будущий писатель слушал их и заучивал на память. От матери он ещё до школы научился читать и писать. В двенадцать лет Алексей окончил сельскую школу, пас скот, потом был отдан в город Нежин в магазин «мальчиком», где проработал в лавках купцов 1902–1903-й годы, а затем был уволен как лишний. Приехав домой, он увидел там всё ту же бедность и нужду. Родители решили отправить Алексея в село Парафиевку, на сахарный завод пана Харитоненко. Много ему пришлось испытать там нужды и незаслуженных обид.

В 1906 году в поисках лучшей доли Алексей выехал на Кубань в город Екатеринодар, куда почти каждое лето ходил на заработки его отец. Он долго искал работу и, наконец, поступил в окружной суд писарем. Так, А. А. Кирий обосновался в нашем городе и обрел здесь вторую родину. Тоска по оставленному родному Крупичполю еще долго томила сердце впечатлительного юноши в чужом, неприветливом городе. Единственной отрадой были для Алексея Андреевича книги, которые он читал «запоем». Он постоянно расширял свой кругозор, собирал личную библиотечку из книг, купленных в книжном магазине Галладжианца на улице Красной. Сам пробовал писать стихи.

Увлекал его и театр, особенно гастроли украинских трупп, которые с ранней весны до поздней осени гастролировали в кубанской столице, находя здесь благодарную публику. Очень скоро эти два увлечения, поэзия и театр, стали судьбой юного Алексея Кирия и определили его дальнейшее духовное развитие.

В 1909 году в газете «Кубанский курьер» было напечатано его первое поэтическое произведение, через два месяца свои страницы предоставила ему и кубанская газета «Новая Заря», издававшаяся известным писателем В. А. Потапенко. В этом же году вышла в свет первая книга Кирия – драма «Сибиряки», изданная на собственные средства автора. Помогли ему в этом наборщики из типографии «Основа», где печаталась газета «Кубанский курьер». 19 апреля 1909 года пьеса была дозволена к постановке Главным управлением по делам печати. Впервые она была поставлена 26 декабря 1911 года в здании Выселковского иногороднего училища местными любителями драматического искусства с участием автора, который играл роль Тимоша. Охватившая начинающего драматурга эйфория подвигла его на написание еще одной пьесы, которая не была напечатана, поскольку автор посчитал её неудачной. Зато он пробовал свои силы на ниве театральной критики: на украинском языке писал рецензии на постановки украинских трупп. Увлечение театром помогло Олексе Кирию найти свою вторую половину – Прасковью Михайловну (в девичестве Чеботареву), женщину, которую он любил до конца жизни и посвящал все свои стихи.

Дебютный сборник стихов О. Кирия «Рідна нива» на украинском языке вышел 1 сентября 1910 года в екатеринодарской «друкарне» (типографии) «Основа» благодаря меценатству земляка Василия Прокофьевича Донченко.

Ранняя лирика О. Кирия продиктована воспоминаниями о родных местах, тоской поэта по родной Украине. Кроме Екатеринодара, произведения поэта публиковались и в украинских журналах «Рідний край», «Село», «Східній світ».

Лучшая поэтическая книга Олексы Кирия «Збірка поезій» вышла в 1926 году. В 1931 году увидела свет книга «У ногу з днями». А в 1932 году постановлением ЦК ВКП (б) украинский язык на Кубани, объявленный оружием контрреволюции в её борьбе против советской власти, был запрещен. Алексей Андреевич стал писать по-русски.

Работая старшим секретарем адыгейского областного суда, А. Кирий познакомился с жизнью и бытом, заинтересовался историей адыгейского народа. Способствовала этому и крепкая дружба с известным деятелем горской культуры Ибрагимом Цеем.

Адыгская тема – особая глава в жизни и творчестве писателя. В результате обращения к ней появились его переводы адыгейских песен, статьи о переселении адыгов в Турцию. В 1932 году в Киеве была издана его книга «Адыгейские песни, легенды и мифы» (перевод на украинский язык) под редакцией М. Рыльского и с предисловием Т. Керашева. А. А. Кирий познакомился со сказителями аула Афипсип. Всё это способствовало его работе над большой эпической поэмой «Адыге», которой он отдал почти два десятилетия. Писатель переводил на украинский язык народные песни аварцев, чеченцев, лакцев и кумыков, однако осуществить этот проект помешала Великая Отечественная война (рукопись этой работы сохранилась у внучки писателя Консуэллы Алексеевны). Первая часть поэмы «Адыге» вышла в 1941 году, вторая – в 1948-м. Эта грандиозная попытка показать исторический путь адыгейского народа на протяжении последних столетий. Поэму «Адыге» можно считать историческим и литературным памятником своей эпохи, памятником уникальным и единственным в своем роде.

16 декабря 1939 года А. А. Кирий стал членом Союза писателей СССР и Союза писателей Адыгейской организации.

1 мая 1942 года в дом Алексея Кирия пришло большое горе – умерла его любимая жена – Прасковья Михайловна. С тех пор он писал стихи только о ней, о своей дорогой Евредике. Прасковья Михайловна сама была очень талантливым, литературно одаренным человеком, переводила стихи украинских поэтов.

В 1952 году, незадолго до смерти, вышла последняя книга избранных произведений Алексея Андреевича, состоявшая из русскоязычных стихов 1930–1940-х годов, написанных в духе того времени.

Многие годы (с конца 1920-х годов и почти до своей смерти) писатель работал над воспоминаниями, которые назвал «Моя жизнь». Рукопись, являющаяся ценным свидетельством эпохи, хранилась в архиве его внучки, Консуэллы Алексеевны. Благодаря ей, книга увидела свет. Она отражает становление А. А. Кирия как человека и творческой личности – лирического поэта, страстного любителя театра, драматурга и театрального критика. Автором предисловия и научным редактором воспоминаний является кандидат филологических наук, профессор КГУКИ В. К. Чумаченко.

Презентация новой книги состоялась в декабре 2012 года в Литературном музее Кубани.Научные сотрудники музея подготовили выставку, на которой представлены материалы из фондов музея, архива семьи Кириёв и В. К. Чумаченко.

Н. В. Ламосова,
старший научный сотрудник
Литературного музея Кубани

ДЕБЮТ

Пётр Петров

Расчёска

(Из цикла «Тропа к себе»)

Трофим Быстров забыл дома расчёску. Вот с этого всё и началось. Во всяком случае, я так думаю, потому что давно уже убедился, что ничего просто так в этом мире не бывает, проверено уже во многих походах. Стоило, например, планируя сплав по спокойной воде, отказаться от спасжилетов, как оверкиль был обеспечен. Или тащишь с собой мешок консервов, наслушавшись разговоров о костлявой руке голода, и попадаешь в места, где рыба сама выскакивает из воды, а грибы, ягоды и орехи бросаются под ноги при каждом шаге в сторону от тропы.

Так вот, Трофим забыл свою расчёску. Выяснилось это уже на реке, после первой ночёвки. Мы только что проснулись. Поставили кипятить котелок с водой для чая. Трофим укрепил на стволе ели карманное зеркальце и объявил нам, что намерен бриться каждый день.

— Нужно поддерживать форму, – сказал он, глядя на наши недоверчивые лица. – А то некоторые на природе распускаются, перестают за собой следить. Даже руки с мылом не моют. Это не наш принцип.

— Ну-ну, – усмехнулся я, – посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Трофим ничего не ответил, продолжая своё действо. Потом долго изучал в зеркале результат своих манипуляций. Оставшись довольным увиденным, он сполоснул бритву с помазком и положил их просохнуть.

Тут обнаружилось, что он забыл расчёску.

— Это была твоя ошибка, – нахмурился Адмирал, почувствовав недоброе.

Трофим отмахнулся:

— Да ладно. Обойдусь. Расчёска – не самое важное.

После завтрака мы отплыли. Погода была хорошая, ветерок отгонял комаров, и мы просто отдыхали, скользя вдоль заросших елью берегов. Впереди шёл Адмирал с Главным Рыбаком, а за ними – мы с Трофимом.

Адмирал курил сигару, Главный Рыбак пробовал бросать блесну, Трофим потягивал пиво из банки, а я фотографировал всё подряд.

Однако беззаботный сплав продолжался недолго. За поворотом началась затяжная шивера. Пришлось то и дело увёртываться от торчащих из воды камней. Управлять тяжело нагруженными лодками было достаточно трудно. Поэтому мы даже обрадовались, когда вдруг небо затянуло тучами и хлынул дождь. Появился законный повод устроить стоянку.

Мы быстро пристали на первом же попавшемся месте, растянули полиэтилен и затащили под него вещи. Перевернули лодки, сами устроились рядом с вещами и стали рассуждать, стоит ли ставить палатки. Пока мы спорили, долго ли продлится дождь, он как-то внезапно закончился. А июльское солнце за полчаса не оставило никаких следов пролетевшего ненастья.

Поскольку место нашей вынужденной остановки особыми достоинствами не отличалось, было единогласно решено продолжить сплав.

До вечера миновали шиверу, и Адмирал нашёл неплохую стоянку. Ровная каменная терраса. Полно дров. Рядом сосновый бор. Ниже по течению уже виден порог. Его нам предстоит пройти завтра. Но это завтра. А пока о нём можно не думать. Даже Адмирал не кинулся, как обычно, исследовать препятствие, а вместе с Главным Рыбаком стал настраивать снасти на хариуса.

Мы с Трофимом быстро поставили палатки. Пока Быстров разбирал вещи, я успел набрать ведёрко грибов. Так что на ужин у нас был грибной суп и нежнейший жареный хариус.

Как всегда, был тост за отсутствующих друзей. И, как всегда, были планы на завтра. Исполненные оптимизма, мы упаковали остатки продуктов в мешок и подвесили на дерево подальше от палаток. Проверили положение Полярной звезды, залезли в палатки и быстро заснули.

Утро выдалось великолепным. Особо подняло настроение то, что ко времени нашего подъёма Главный Рыбак успел не только наловить рыбы, но и уже заканчивал её жарить.

Холодная вода мгновенно согнала остатки сна. Мы растянули плащ-палатку и быстро сервировали походный стол.

— Кто-то грозил бриться каждое утро, – задумчиво произнес Главный Рыбак, вгрызаясь в очередного хариуса.

Я хмыкнул, а Трофим огорченно сказал:

— Бритву не нашёл. Видать, оставил на прошлой стоянке.

— Я почему-то не удивляюсь, – заметил Адмирал, допивая свой кофе. – Ну ладно, я схожу на разведку. А вы собирайтесь потихоньку.

Мы сложили вещи, загрузили в лодки и стали изучать карту маршрута, прикидывая, где лучше устроить днёвку. Быстров был здесь впервые, а мы трое уже сплавлялись в позапрошлом году. Но всё равно, интересно было вспоминать знакомые места и гадать, сильно ли они изменились.

Вернулся мрачный Адмирал. Он молча сел на камень, задымил сигаретой и только тогда сказал:

— Докладываю. Воды меньше, чем в прошлый раз. Вещи придётся обносить. А может, и лодки. Пока не знаю. Будем решать вместе.

— Что, так плохо? – спросил я.

Адмирал пожал плечами:

— Да нет, не особо. Но нужно всем посмотреть и хорошо всё спланировать.

— Ну так идём, – нетерпеливо поднялся Трофим.

— Без меня, – махнул рукой Главный Рыбак. – Мне всё равно. Как решите, так и будет.

Он остался с лодками, а мы втроём зашагали вниз по течению.

Метрах в ста от стоянки был маленький островок, а сразу после него река резко сужалась, попадая в мрачный каньон, начинающийся небольшим косым сливом. Метров через тридцать река огибала большой валун, образуя ещё два слива. Затем друг за другом ещё три, последний где-то около метра. Потом конец каньона и удобная чалка по правому берегу.

В принципе, всё было ясно. Сомнения вызывала лишь вторая ступень. Адмирал склонялся к правому обходу, но решили ещё раз взглянуть на это место с правого берега, когда будем переносить вещи. К сожалению, другого варианта мы не нашли.

Молча вернулись к месту ночевки.

— Два прижима, две бочки, – ответил Адмирал на вопросительный взгляд Главного Рыбака.

Мы выгрузились на правый берег перед островком. Вещи, которыми не хотели рисковать, упаковали в рюкзаки. Остальные засунули в гермы и закрепили верёвками в лодках так, чтобы они как можно меньше мешались.

За час перетащили рюкзаки за каньон. По дороге осмотрели вторую ступень порога, наметили места для страховки. Кажется, Адмирал не ошибся: правый слив предпочтительнее. Во всяком случае, мне тоже так показалось.

Я остался страховать, а остальные вернулись к лодкам.

Через некоторое время показалась адмиральская лодка. Она мелькнула на фоне неба и тут же скрылась в белой пене. Затем несколько секунд я видел, как две небольшие фигурки яростно машут вёслами. Лодка исчезла, вновь мелькнула, и вот уже я вижу навалившегося на нос Главного Рыбака, отчаянно выгребающего из бочки. Всё. Можно вздохнуть спокойно.

Я помог высадиться и вытащить лодку на берег. Мы отвязали гермы и перевернули лодку, выливая воду. Ребята остались сушиться, а я вернулся к Трофиму.

Всё, что было дальше, происходило куда быстрее, чем можно описать.

Вход в каньон. Стремительно приближающаяся скала. Попытка уйти от прижима. Чудом не потерянное весло. Летящий на нас валун. Уход вправо. Падение. Налетающие валы. Отчаянные усилия выровнять лодку по течению. Затем два уже неконтролируемых прыжка. И вот последняя ступень. Как в замедленной съёмке, я вижу поднимающийся вверх нос лодки. «Выгребай!», – кричу я Быстрову и падаю вперёд, стараясь погрузить весло как можно глубже в пузырящуюся белую пену. И очень медленно, неохотно река выпускает нас на спокойную воду.

Мы сидим по колено в воде и счастливо улыбаемся.

— Ну вот и всё. Самое трудное позади, – весело заключил Адмирал, подтягивая нас к берегу.

Обсохнув и согласившись, что на сегодня приключений довольно, решили идти до первой же подходящей стоянки, а там уже спокойно разобрать вещи и устроиться на ночлег.

Что мы и сделали. Место было не хуже вчерашнего. Кроме того, здесь был впадающий в реку ручей, что с точки зрения Главного Рыбака давало неплохие перспективы на рыбалку. Адмиралу же больше всего понравилось то, что стоянка была уже обжита, и на ней имелись две лавочки, очаг и стол. Он тут же удобно устроился на лавочке и задымил сигарой.

А вечером был торжественный ужин и бутылка шампанского, извлечённая откуда-то Адмиралом.

Наутро, позавтракав остатками вчерашнего обильного ужина, мы продолжили сплав. По плану нам оставалось, особо не напрягаясь, сплавляться ещё шесть дней. Особых препятствий дальше не предвиделось, и мы думали всерьёз заняться рыбной ловлей и сбором ягод.

У меня на весле обнаружилась трещина. Очевидно, я всё же повредил весло, уходя вчера от прижима. Поэтому мы двигались не спеша, отстав от адмиральской лодки.

Часа через два показался большой лесистый остров. Он делил реку на две протоки. Правая – мелкая и усеянная камнями. Левая – чище, и там основная струя. Во всяком случае, так было два года назад.

Адмирал свернул налево. Мы последовали за ним. Протока сильно изгибалась, и скоро мы потеряли головную лодку из виду.

Течение усиливалось. Берег всё быстрее убегал назад.

— Адмирал! – удивлённо сказал Быстров, показывая на правый берег.

Я повернул голову и, действительно, увидел Адмирала. Он бежал по берегу нам навстречу, что-то кричал и махал рукой.

Скоро мы поравнялись, и я услышал:

— Расчёска!

И тут мы сами увидели её за поворотом. Огромная ель, полностью перегородившая протоку, висела над водой, оставляя внизу совсем небольшой просвет. Наверное, можно было бы кое-где проскочить, если бы не толстые сухие сучья, торчащие во все стороны.

Мы бросились грести к берегу. Моё весло потеряло большую часть лопасти. Я продолжал грести остатком. Куда там. Преграда быстро приближалась. Мы пронеслись мимо Главного Рыбака, который бросил нам морковку. Трофим почти успел схватить её.

Но только почти. Течение неотвратимо тащило лодку прямо на ель.

Хорошо, что документы и другие ценные предметы мы привыкли держать на сплаве всегда под рукой. Каждый схватил, что мог, и мы прыгнули в воду.

Вынырнули мы уже за елью. Нас пронесло ещё немного, и мы выбрались на берег острова. К нам уже бежали Адмирал и Главный Рыбак.

За островом снова начиналось мелководье, и часть вещей нам удалось отыскать среди каменных ванн. Болтающиеся на сучьях останки лодки тоже сумели снять и вытащить на берег. Впрочем, надежды было мало, и осмотр это подтвердил.

— Ремонту не подлежит, – вынес вердикт Главный Рыбак.

И добавил утешающее:

— Но можно гермы сделать.

Когда оценили размер понесённых потерь, Адмирал подвёл итог:

— Собственно, могло быть гораздо хуже. Сами виноваты. Расслабились после порога. Забыли законы Мэрфи. Вот и результат. Теперь вопрос: что будем делать? Понятно, что с маршрута придётся сойти. В сущности, у нас два варианта. Первый: сто двадцать километров по реке до Глухарёвки. Один – на лодке с вещами, остальные – по берегу. Второй: около полусотни километров по тайге до Агафоново. Свои плюсы и минусы есть и там, и там.

— Что мы, пешники? – пробурчал Быстров. – По тайге, с грузом? Я за реку.

Главный Рыбак кивнул:

— Я тоже. Здесь рыбы больше.

Адмирал вопросительно посмотрел на меня.

А у меня в голове уже вертелась авантюрная мысль. Я сказал:

— Когда мне предлагают выбор из двух вариантов и говорят, что другого пути нет, я всегда ищу третий. По тайге с полной выкладкой, да ещё не зная дороги? Как бы эти пятьдесят километров в пятьсот не превратились. У второго варианта один плюс: идти налегке. Но вспомните берег: разве везде можно пройти? Придётся лезть по скалам, искать обходы. Муторное занятие. Да и в срок не уложимся.

— Так что ты предлагаешь? – терпеливо поинтересовался Адмирал.

— Сплав по реке. Но всем сразу.

— Как? – усмехнулся Главный Рыбак.

— Плот.

Адмирал хлопнул себя по лбу:

— Чёрт! А ведь это мысль! Как мне сразу в голову не пришло?

К вечеру следующего дня плот был готов. Благо сухих брёвен по берегам было достаточно. Пригодились и остатки резиновой лодки: мы нарезали из них жгутов для гибкой стяжки.

Погрузили все вещи в оставшуюся лодку, Главный Рыбак уселся сверху и отошёл от берега. А мы, втроём орудуя шестами, осторожно двинулись за ним. Сначала мы чувствовали некоторую неуверенность, но уже через несколько минут осмелели, затем обнаглели и бесстрашно вышли на струю.

Плот держался довольно уверенно, и мы всё больше укреплялись в мысли, что вполне смогли бы работать в области судостроения.

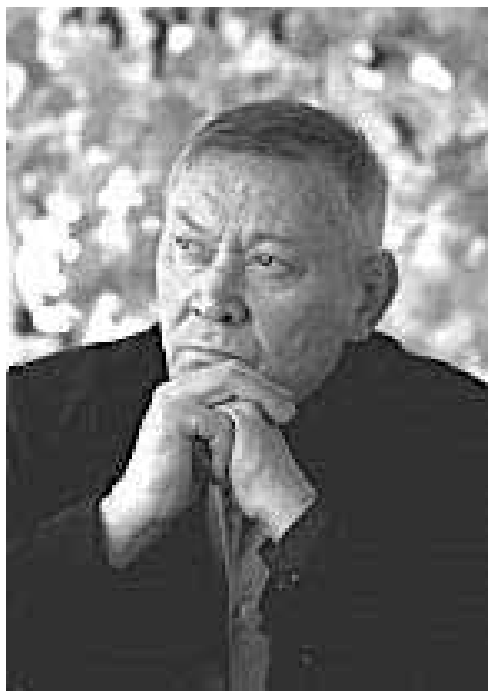
Через два дня плот рассыпался, врезавшись в скрытый пеной валун при прохождении простейшего порожка километрах в четырёх от Глухарёвки.

Всё-таки, часть пути нам пришлось проделать пешком. А потом два дня мы ждали попутного транспорта до железнодорожной станции.

Но зато в сельском магазине Адмирал купил и торжественно подарил Трофиму расчёску на память.

Декабрь, 2012 г.,
Сочи

ПОЭЗИЯ



Генрих Ужегов

член Союза писателей России
Тихорецк

***

Отмеряны мои земные вёрсты,
И я хочу в тот светлый мир уйти,
Где птица счастья склёвывает звёзды
Со сказочного Млечного Пути.

Тот мир не всем доступен и понятен,
Но я хочу остаться вечно в нём
И раствориться в блеске лунных пятен,
Чтобы светить их сказочным огнём.

И пусть хоть кто-то на моей планете
Через каких-то пару сотен лет
В минуту грусти вспомнит о поэте,
Который превратился в этот свет.

***

Ответь мне на нежность нежностью,
Ответь мне на ласку ласкою,
Пусть станет любовь безбрежностью,
Красивой и доброй сказкою.

И если всё это сбудется,
То жизнь будет счастьем полниться,
А прошлое позабудется
И больше уже не вспомнится.

***

Писем нет. И не надо.
Ничего не пиши.
Мне бы чуточку взгляда,
Мне бы каплю души.

Мне бы губ твоих нежность,
Твоих рук теплоту,
Разорвать безнадежность,
Затопить пустоту.

И не волны цунами,
И не тысячи миль –
Стал в пути между нами
Равнодушия штиль...

Волны, холод и ветер,
Да полярная мгла,
Неужели на свете
Нет любви и тепла?

Впрочем, трогать не стоит
Горечь прежних утрат,
Каждый жизнь свою строит
На особенный лад.

Память – боль и отрада
Опаленной души.
Писем нет... И не надо,
Ничего не пиши.

Я – волк одинокий

Я – волк одинокий. И часто мне снится
Ушедшая в чащу лесную волчица.

Она не вернулась. А что с нею сталось,
Мне, старому волку, гадать лишь осталось.

Быть может, охотничьи чьи-то забавы
Её уложили на мягкие травы.
И видели елей ветвистые кроны,
Как кости волчицы тащили вороны.

А может, ушла она в новую стаю,
Навряд ли я это когда-то узнаю.

Поэтому часто порою ночною
Я жалуюсь небу, тоскую и вою.

Но только мороз отзывается колко
На горестный плач одинокого волка.

***

Жизнь прошла с предутренними росами,
Сколько лет промчалось, сколько зим,
Я не надоем тебе расспросами,
Мы с тобою просто помолчим.

Помолчим о том, кого не встретили
Ни зимой, ни летом, ни весной.
Помолчим о том, что не заметили,
Как любовь проходит стороной.

В юности мы все немного странные –
Ищем только принцев и принцесс,
И считаем тряпки иностранные
Манной благодатною с небес.

Девушкой с распущенными косами
Ты прошла через судьбу мою,
Я не утомлю тебя расспросами,
Просто с детством рядом постою.

***

Какая-то уверенность и сила
Была в словах насмешливых твоих,
Когда ты, улыбаясь, говорила:
– Одной любви не хватит на двоих.

А я не верил и божился кровью,
И доказать пытался всем окрест,
Что если любишь, то своей любовью
Ты даже можешь сдвинуть Эверест.

Что если любишь, всё тебе подвластно:
И время, и пространство, и мечты...
Как я ошибся глупо и ужасно,
И как права была когда-то ты.

Всё в жизни так таинственно и сложно,
И вот настал тот злополучный миг,
Когда я понял: счастье невозможно,
Одной любви не хватит на двоих.

***

Седые тучи, ветер шквальный,
Слились с водою небеса,
И шторм почти десятибалльный
Срывает с мачты паруса.

Корабль – песчинка. В бурном море
Песчинка эта не видна,
Придётся нам, наверно, вскоре
Хлебнуть солёного вина.

В моей судьбе бывали виды,
Но тут, среди кромешной мглы,
На нас идут как пирамиды
Восьмиметровые валы.

Снежинки в воздухе мелькают
И ветер яростно колюч,
Зигзаги молний пробегают
Среди багрово-чёрных туч.

Меж волн кипящих чайки стонут:
– Вам не видать родной земли...
Вот так всегда, наверно, тонут
Во время шторма корабли.

Мне поберечь бы раньше шкуру,
Писать рассказы от тоски,
Сейчас жалею я, что сдуру
Пошёл когда-то в моряки.

Наш капитан с потухшей трубкой
С утра сегодня у руля...
А волны пенятся над рубкой
И лижут мачты корабля.

Но нам бояться нет причины –
Пусть впереди хоть шторм, хоть мель.
В морях рождаются мужчины,
Здесь их солёная купель.

И чайкам я кричу, как людям:
– Мы принимаем этот бой
И до конца бороться будем
Со штормом, морем и судьбой.

Бухта Сероглазка

Моряки с мужскою лаской
У России на краю,
Называют Сероглазкой
Бухту тихую свою.

Здесь у самого причала,
Ближе к кромке ледяной,
Сероглазка нас встречала
Первозданной тишиной.

Огоньки вдали дрожали,
Затухая иногда,
И подковой окружали
Бухту, море и суда.

Сопки, скрытые туманом,
Проступали в мягкой мгле,
Все казалось очень странным,
Нереальным на земле.

Лунный диск неярким светом
Сверху море освещал,
Будто нас в свои секреты
Осторожно посвящал.

Я запомнил эту сказку,
Светлой ночи тишину,
Эту бухту Сероглазку,
И камчатскую волну.

***

Ночь так светла. Захватывает дух.
Садов кипенье не окинешь взглядом,
И кружит тополиный пух
Над спящим городом и садом.

Как яхта, полуночная луна
Плывет своей дорогой неизменной,
И звезды, словно Божьи письмена,
Горят на черном бархате Вселенной.

***

Стихи – сосуд, в котором наши чувства
Приобретают контуры души,
Писать стихи – великое искусство.
Не веришь? Ну, попробуй, напиши!

Строка должна звенеть как колокольчик,
Красивой быть как ива у пруда,
И чем стихи пронзительней и звонче,
Тем больше в них заложено труда.

Слова в строке, как камушки морские,
Обкатаны и сглажены не раз,
Поэт – пловец, поэзия – стихия,
А остров назначения – Парнас.

И чтоб стихи, взлетая словно птицы,
Могли в подлунном мире уцелеть,
Над каждым словом надо потрудиться
И каждою строкой переболеть.

Вечер на Кубани

Дали степные прозрачны и чисты,
Солнца погасли лучи,
Звёзды зарю разобрали на искры
И разлетелись в ночи.

Землю ласкает ночная прохлада
В окнах горят огоньки,
Дремлют деревья притихшего сада
И камыши у реки.

Вот пролетела по небу комета,
Ей подмигнула звезда,
Птица залётная вскрикнула где-то,
В речке плеснула вода.

Гривы пшеничные тихо колышет
Лёгкий ночной ветерок,
Здесь лишь привычное ухо услышит
Песню полей и дорог.

Кажется, будто на степи и воды
Божья сошла благодать...
Нет. Красоту нашей русской природы
Словом нельзя передать.

***

Давно я расстался с любимой моей,
Но помню ту девочку юную...
Зачем обманул ты меня, соловей,
В ту ночь ослепительно лунную?
Зачем подарил ты нам песню без слов,
Под вечнозелеными кущами,
Зачем научил говорить про любовь
Словами, от сердца идущими?

Под трели твои и рулады твои
Красиво мечталось и верилось,
Но годы промчались, и сказка любви
Как дымка тумана развеялась.

Сегодня опять из зеленых ветвей
Доносятся трели органные,
Но я не поверю тебе, соловей,
Ведь все твои песни обманные.

***

Где есть Христос, там будет и Иуда,
А где Иуда, там всегда кресты,
Мир не изменит никакое чудо
За исключеньем чуда доброты.

Пока жестокость не забудут люди,
Земля не станет колыбелью роз,
Из века в век, так было и так будет –
Добро и зло, Иуда и Христос.

***

Земля весенним ветром дышит,
Цветущий сад ласкает взор,
Рукой волшебной в небе вышит
Из звезд причудливый узор.

Покрыто небо звездной пылью,
Покой и мир царят в душе,
И кажется прекрасной былью
Та жизнь, что прожита уже.

Сиянье льется с небосвода
На лунном сказочном крыле,
Напоминая, что Природа –
Частица Бога на Земле.

***

Нас дурманила запахом мята,
Белой дымкой туманился плес,
И багряное пламя заката
Озаряло вершины берез.

Мне запомнилось это прощанье,
Ветерок над Кубанью-рекой,
Тишина, и слова-обещанья,
И такой деревенский покой.

Затянулась печальная встреча
И уйти просто не было сил,
Не с тобой я прощался в тот вечер,
А из мира мечты уходил.

Все прошло, все умчалось куда-то,
Этот вечер, и дымка, и плес,
И холодное пламя заката
На вершинах притихших берез.

***

Мы гасили искру Божью
Целых восемьдесят лет,
Называли правду ложью,
Называли тьмою свет.

Иисуса и пророка
Отрицали всей страной,
И безропотно до срока
Уходили в мир иной.

И сейчас на бездорожье
Мы гадаем через дрожь,
То ли правда будет ложью,
То ли правдой станет ложь.

***

Дни ушедшие, дни минувшие
Заметелила жизни новь,
Только чувства, давно уснувшие,
По весне пробуждаются вновь.

Снова в добрых волшебников верится,
Каждый вечер как ласковый друг,
И под ноги поземкою стелется
Тополей перламутровый пух.

После мая весна не кончается,
Она в сердце лежит, ну и пусть,
Может кто-то в пути повстречается
И разделит со мной мою грусть.

Может кто-то под старыми кленами
Приоткроет мне душу свою,
Может снова мы будем влюбленными
У прошедшей весны на краю.

Степан Деревянко

КАК ТА УТОЧКА

(Новелла)

Мария Сергеевна, учительница начальных классов и давно пенсионерка, работала до конца учебного года, выпустила в старшую школу свой последний четвёртый класс и с первого сентября решила со школой проститься. Здоровье расшаталось окончательно и надежд на излечение не осталось. Да и муж категорически был против её работы, сказав: «Сиди дома, может, на какой месяц дольше проживёшь». Но подходило первое сентября, и у Сергеевны заныло сердечко. Сорок лет в конце августа оно так сладко ныло и звало в школу. Сорок лет она набирала несмышлёнышей в первый класс, учила их три-четыре года и передавала учителям-предметникам в четвёртый. И предметники считали за счастье получить детей Марии Сергеевны – её ученики были хорошо подготовлены для старшей школы и воспитаны. А теперь вот Сергеевна недужила. Её заменила молодая учительница, выпускница колледжа, девица с татушками в сокровенных местах и пирсингом в пупке. Поработала две недели и исчезла, написав в классном журнале:

«Адью, школа! Мучо трабаха, покито песо. Ухожу в свободное плаванье…» Завуч школы, биолог по образованию, долго копалась в словарях, пока поняла смысл написанного вертихвосткой. «Адью» было понятно, а вот дальше на испанском означало: много работы, мало денег. Завуч повздыхала, завела новый журнал вместо испорченного, и сказала директрисе:

— Наверное, Нелли Ивановна, прежде чем брать на работу таких девиц, надо смотреть, есть ли у них пирсинг.

— Так что нам их, раздевать, что ли, этих кобыл? Они теперь через одну такие, клеймёные.

Директор была литератором и хорошо помнила шпионку кардинала из «Трёх мушкетёров», клеймёную лилией.

Подумали-порядили руководящие женщины, кого ставить на брошенный класс, и решили просить Марию Сергеевну выйти и поработать хоть с месяц, пока найдут первачатам учителя. Сергеевна повздыхала-повздыхала, поплакалась мужу, чтоб не ругался, и вышла. Хотя бы для того, как в тайне думала, чтоб в последний раз почувствовать, как сладко ноет сердечко…

Школа стояла у оживлённой трассы, и детям с южной стороны станицы нужно было переходить по «зебре». Сергеевна по старой привычке по утрам ожидала своих учеников у перехода, собирала всех и переводила через дорогу. (Никто другой из учителей такого не делал.) Дети дружненько один за другим переходили, а Сергеевна, раскрылатив руки, стояла посреди трассы, поторапливала их и будто закрывала руками, худой спиной своей – она была высокой – от опасности. Водители, спешащие на работу, знали привычку старой учительницы (иные были её учениками) и никогда не сигналили – терпели. Стоял и я много раз в общем потоке машин, ожидая, когда последний рюкзачок окажется на школьном тротуаре и вслед за ним исчезнет с «зебры» фигура в синем болтающемся на ветру пальто. И мне всегда при такой встрече с Марией Сергеевной вспоминалась уточка на трассе.

…Как-то в начале лета я ехал в соседнюю станицу. Дорога туда ведёт сквозь камыши. Слева от неё речка, справа – плавни. И дикие утки строят гнёзда в болотистых плавнях – там спокойно, корма вдоволь – высиживают птенцов, а потом переводят утят через шоссе на большую воду. Опасно, но так было и будет всегда, пока не пересохнет речка или люди не уничтожат плавни. И вот смотрю – на обочине суетится дикая уточка, вокруг неё пятеро жёлто-чёрных комочков, крякает тревожно на детей и намеревается идти через дорогу. Я остановился, включил моргалку, чтобы насторожить других водителей, следом за мной, поняв в чём дело, мужик на УАЗе стал поперёк, полностью перегородив дорогу, и уточка, будто поняв наше намерение, повела утят. Она распростёрла крылья, кружилась вокруг своего выводка, шипела на машины, а утята пушистыми комочками катились в сторону большой воды. Какой-то парень на иномарке решил объехать нас по обочине и помешать утиному семейству, но «уазовец» – мужик крупный и грубый – его остановил окриком:

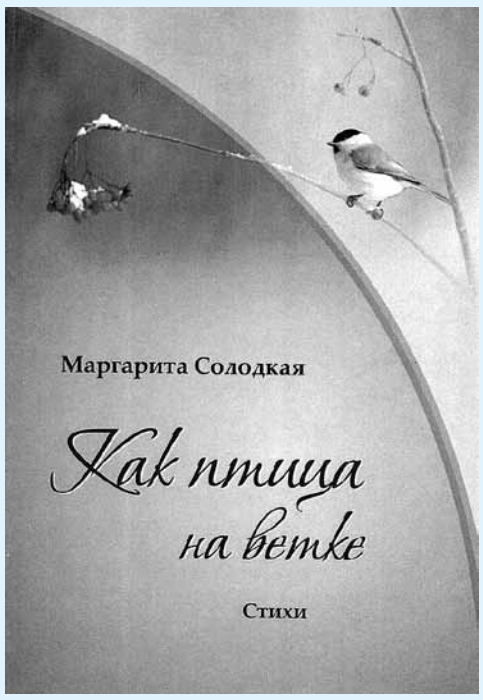
– Ты чё, балбес, не видишь, мать детей переводит?!

Парень затормозил, а уточка, преодолев опасный участок, повернула к нам головку, сверкнув на солнце бусинкой глаза, прощально крякнула и исчезла с утятами в прибрежном камыше.

…Заканчивался уже второй месяц вместо одного, как просили, а Мария Сергеевна работала. И сегодня опять я ожидал у перехода, пока она переведёт своих первачат. А на пороге школы стояла директриса, смотрела на всё это и думала: «Где ж теперь найти такого учителя?».

Январь, 2013 г.

КНИЖНЫЙ МИР



Как птица на ветке.
Краснодар.
Просвещение-Юг. 2012

Маргарита Солодкая

О ЛЮБВИ

Обо всём вспоминают словами.
О любви вспоминают ...слезами,
Как о счастье, случившемся с нами,
Может быть, лишь единственный раз,
От себя не скрывая волненья,
Запоздалой тоски, сожаленья,
И уже не ища объясненья
И не пряча заплаканных глаз!..
О любви
вспоминают
слезами...

НА ОЗЕРЕ БЕЛОМ

Островок не высок, не широк,
Древним Озером властно объят...
Затерялся в волнах хуторок,
Удивлённо окошки блестят.
Не на степь им глядеть, а на синь
Бесконечной воды и небес.
Только птиц пролетающих клин
Изо всех отражённых чудес.
По ночам, если буря, прибой
Мерным звуком баюкает сон.
Обещает желанный покой
Колокольный донёсшийся звон...
О, какая, должно, благодать –
Одиночеству сердце отдать,
Как в глубокую воду нырнуть,
Чтоб в себя самого заглянуть! ...
На прибрежной полоске земли
Люди сад-огород развели.
Куст смородины, вишня растёт,
Да привычно картошка цветёт.
А напротив крылечка – причал:
Связь с Землёй – как в начале начал!
И моторка здесь – вместо коня...
Не зови в путь обратный меня!

17.11.2009

В НОЧНОМ ВАГОНЕ

Луны половинка
плелась за вагоном.
Застыла на время
у края перрона.
И вдруг полетела
вприпрыжку,
вприпляску,
Дразнясь, повторяя
вагонную тряску.
И полночь пробила...
Природа застыла...
И тьма без просвета
окно залепила...
Под говор колёс,
отбивающих ритмы,
Бегут без усилий
послушные рифмы. ...
А кто-то другой
мне несётся навстречу,
В таком же вагоне,
судьбе не переча.
И мы разминёмся,
друг друга не зная,
В летящих составах
стихи сочиняя...

***

Расставались, разлучались...
Чтоб не чувствовать беду,
Быть беспечными старались
И шутили на ходу.
Замолчали на вокзале,
Как стряхнули чары сна.
С двух сторон потом стояли
У вагонного окна...
Сквозь стекло не слышны речи,
Глаз безмолвен разговор.
Расписанью не переча,
Вздрогнул поезд – и пошёл.
Вот и всё...
Помчались ветры,
Пыль дорожную гоня.
Замелькали километры,
Увлекая и маня.
За пределами остались,
Недосказанные вслух,
Те слова, что, оказалось,
Были важными для двух.
Скоро ль свидеться придётся,
Иль в тисках грядущих лет
Только память встрепенётся
Светлой радости вослед?..

ГРУСТНОЕ

Безнадёжность какая...
Щемящее чувство потери...
Будут окна в дому нараспашку,
Оставлю открытыми двери,
И войдут ко мне люди, и ветры,
И звери, и птицы –
Всё равно одиноко меж них
Будет сердце метаться, томиться!
Одиночество!
Мне не заполнить тебя!
Ни вещами, ни душами
Комнат твоих не заставить!
Как же память свою
Отболеть, отряхнуться заставить,
Как же сердце заставить смириться
И жить не любя...

СМЯТЕНИЕ

Я на твоём пороге постою...
Когда-то он был так гостеприимен,
А наш привет так радостно взаимен.
Я на твоём пороге постою...
Я на твоём пороге постою.
В любви моей, внезапной и печальной,
Так много было грусти изначальной.
Я на твоём пороге постою...
Хочу, чтоб ты на зов безмолвный вышел!
Хочу, чтоб слух твой голос мой услышал!
Я на твоём пороге постою,
Как будто бы у жизни на краю...

Газета Краснодарского регионального отделения Союза писателей России
Кубанский Писатель
Зарегистрирована Кубанским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.
Учредитель – КРО СП России.
Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:
В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
350065
г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11
E- mail: snmakarova@mail.ru
Электронная версия газеты на сайтах
www.sprosia.narod.ru
и Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»
г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № /2
Подписано в печать
в 10.00, 23.02.2013 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная